

RU

Синтез жанровых форм в творчестве А. Рубанова 2020-х годов
(«Человек из красного дерева»)

Осьмухина О. Ю., Шорина Т. О.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению романа одного из ведущих современных отечественных прозаиков Андрея Рубанова. Цель исследования – выявить специфику жанрового синтеза в «Человеке из красного дерева» А. Рубанова. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые выделяются жанровые особенности романа. В результате установлено, что в «Человеке из красного дерева» жанровый синтез реализуется через соединение фантастической предпосылки, мифопоэтической реконструкции, притчевого начала, элементов психологической прозы и исторического романа, причем ни одна из этих форм не становится доминирующей. А. Рубанов использует жанровые модели как подвижные конструкции, позволяющие постепенно вывести повествование за пределы внешней интриги и сосредоточиться на проблемах идентичности, веры, памяти и внутреннего становления личности. Особенно значимым в романе оказывается мотив пограничности. Деревянные люди существуют между вещью и человеком, идолом и святым, ремесленным изделием и живой личностью. Их природа позволяет писателю поставить вопрос о том, что делает человека человеком: телесность, память, вера, способность страдать, стремление найти «своих» или возможность вступить в нравственный выбор.

EN

The synthesis of genre forms in A. Rubanov's work of the 2020s
(“The Mahogany Man”)

O. Y. Osmukhina, T. O. Shorina

Abstract. The article is dedicated to the interpretation of the novel by one of the leading contemporary Russian prose writers, Andrey Rubanov. The aim of the research is to identify the specifics of genre synthesis in A. Rubanov's “The Mahogany Man”. The scientific originality of the research lies in the fact that the genre features of the novel are identified for the first time. As a result, it is established that in “The Mahogany Man”, genre synthesis is realized through the combination of a fantastic premise, mythopoetic reconstruction, psychological prose, parable elements, and historical novel elements, with none of these forms becoming dominant. A. Rubanov uses genre models as flexible constructs that allow the narrative to gradually move beyond external intrigue and focus on the problems of identity, faith, memory, and the internal formation of personality. The motif of liminality is particularly significant in the novel. The wooden people exist between object and human, idol and saint, handicraft and living personality. Their nature allows the writer to raise the question of what makes a person human: corporeality, memory, faith, the capacity to suffer, the desire to find “one's own”, or the ability to make a moral choice.

Введение

Современная русская литература формировалась в условиях глубоких общественно-политических трансформаций конца XX века, которые привели к утрате прежних эстетических ориентиров и ослаблению культурного статуса художественного слова. Изменение читательских предпочтений, снижение роли литературы в социокультурном пространстве и размывание единых аксиологических ориентиров, начиная с постперестроечного периода, способствовали созданию многополярного пространства, в котором сосуществуют различные эстетические стратегии. Массовая проза 1990-х годов нередко демонстрировала отход от традиционной воспитательной и мировоззренческой функции русской литературы, что усилило разрыв между культурной памятью и новыми формами художественного самовыражения. Г. Л. Тульчинский отмечает, что массовая литература выполняет ряд функций – «от воспроизводства и трансляции базовых ценностей культуры, консолидирующих

общество, их адаптации к массовому восприятию до тематизации проблем и целей общественного развития. И, если рассматривать культуру как систему порождения, хранения, трансляции и воспроизводства социального опыта, то в массовой литературе представлены не просто типичные сюжеты и даже не столько типичные темы, сколько, фактически – ценностно-нормативные фреймы конкретной культуры» (2009, с. 50).

Современный литературный процесс, неоднородный и разнонаправленный, выработал устойчивые векторы развития: усиление реалистического мировосприятия в «новом» его варианте и параллельную активность постмодернистской эстетики. Реализм современности, не имеющий жестко фиксированной конфигурации, сохраняет внимание к человеку, его внутреннему опыту и социальной среде, стремясь к точному и выразительному воспроизведению жизненной полноты (достаточно вспомнить прозу В. Авченко, С. Шаргунова, Захара Прилепина и др.). Именно эта обновленная реалистическая парадигма становится одним из ключевых оснований сегодняшней словесности и формирует контекст, в котором появляется роман Андрея Рубанова «Человек из красного дерева» (2021). Очевидно в связи с этим, что актуальность настоящей статьи объясняется необходимостью осмыслить роман А. Рубанова, высвечивающий тяготение к синтезу жанровых элементов как важнейшую тенденцию современной отечественной словесности.

Подчеркнем, что именно проза А. Рубанова предстает чрезвычайно пластичной, обладающей имманентной способностью органично «впитывать» различные художественные традиции и последовательно расширять собственное эстетическое пространство, присваивая и перерабатывая самые разные жанровые модели (Осьмухина, Шорина, 2026). Творческая эволюция писателя демонстрирует движение от ранней «жесткой» прозы, ориентированной на сугубо мужской опыт и предельную телесность («Сажайте, и вырастет», «Великая Мечта», «Жизнь удалась»), к экспериментам в области антиутопии, где он создает сложные версии недалекого будущего («Хлорофилия», «Живая земля»). В дальнейшем А. Рубанов обращается к психологии личности, предлагая глубокое, нередко весьма болезненное исследование внутреннего мира героев («Йод», «Психодел»), а затем принимает попытку конструирования «героя нового времени» как идеологического продукта эпохи 90-х годов («Готовься к войне!», «Патриот»), демонстрируя при этом неустойчивость этого образа, его саморазрушение. Логичным продолжением проблемно-тематических и жанровых поисков писателя становится его обращение к особой синтетической форме, вбирающей в себя элементы фантастики, исторического мифа и притчи.

Оговоримся, что важный поворот в творческой эволюции А. Рубанова обозначил именно роман «Финист – ясный сокол» (2019), в котором писатель органично сочетал архетипическую сказочную матрицу с авторской реконструкцией Древней Руси и реалиями современной России (Курочкина, 2019; Левитская, 2021; Мешкова, 2022; Ширина, Солдатова, 2021). Очевидно, что обращение к мифологическому материалу стало для А. Рубанова своеобразной «точкой отсчета» выстраивания сложных, многослойных художественных моделей, выходящих за пределы жанровой условности в 2020-х годах. Именно эта способность, как нам представляется, подготовила почву для появления «Человека из красного дерева», где авторское высказывание приобрело философскую глубину. Таким образом, материалом исследования является роман А. Рубанова «Человек из красного дерева» (Рубанов, 2021), а также интервью поэта и литературного критика О. Демидова (2021), предпринявшего попытку разбора писательской стратегии А. Рубанова.

В соответствии с поставленной целью задачами настоящей статьи явились: во-первых, определение жанровых составляющих романа; во-вторых, анализ темы деревянных существ.

Теоретическую базу исследования составила, прежде всего, идея М. М. Бахтина о том, что роман, как структура весьма подвижная, способен органично «впитывать» другие жанровые разновидности «в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их» (2000, с. 196). Кроме того, концепция жанра Н. Л. Лейдермана, заложившего функциональный подход к анализу жанровых структур, когда именно жанр «ответственен» за «способы построения произведения как завершенного художественного целого», именно в жанре «реализуется моделирующая сторона искусства» (2010, с. 40). Более того, как справедливо отмечает ученый, в различных «планах выражения» жанра (план содержания, структуры и восприятия) происходит взаимодействие всех элементов жанровой формы.

В основе методологии нашего исследования лежат принципы историко-генетического метода, позволившие выявить синтез жанровых элементов в «Человеке из красного дерева» А. Рубанова, а также метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому роман писателя рассматривается в единстве его поэтики и проблематики.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и общие выводы могут быть применены в вузовском курсе современной отечественной литературы, спецкурсах, посвященных творчеству А. Рубанова.

Обсуждение и результаты

Нам уже приходилось отмечать, что в центре сюжетного развертывания романа «Человек из красного дерева» А. Рубанова «оказываются не идолы дохристианской эпохи, но созданные позднее деревянные статуи святых, существование которых оказалось под угрозой после синодального указа XVIII века» (Шорина, 2026, с. 125), предписывавшего удалить эти «чудища» из храмов и уничтожить их по аналогии с их языческими предшественниками. Именно в этот период, согласно авторской концепции, деревянные истуканы обретают способность к самосознанию и вступают в мир как самостоятельные существа. Таким образом, роман представляет собой исследование их появления, усилий по осмыслению собственного бытия и попытки вписаться в культурное пространство, от которого они одновременно происходят и от которого отчуждены.

Попытки критики определить жанровую природу произведения через формулы «славянского» или «деревянного» фэнтези оказываются неудовлетворительными, поскольку не учитывают ни широту авторского замысла, ни многослойность художественной структуры. Показательно, что О. Демидов (2021), специально полемизируя с подобными жанровыми определениями, замечает: «А жанр самый обыкновенный – роман. В остальном же – как в поговорке: хоть горшком назовите, только в печь не ставьте». В действительности ключевым представляется не жанровое обозначение, а масштаб идеи, в рамках которой А. Рубанов соединяет элементы исторического романа, философской притчи и реалистической антропологии, создавая произведение, выходящее за пределы традиционной классификации и формирующее новый контекст для обсуждения его творчества. Поэтому роман целесообразнее рассматривать не как новый этап рубановского творчества – как жанровый синтез иного порядка, в отличие от «Финиста...»: фантастическое допущение здесь служит не самоцелью, но способом постановки антропологических, религиозных и культурно-исторических вопросов.

Пространство романа демонстрирует намеренную многоплановость, в которой писатель как будто опробует потенциальные траектории жанрового развития, но сознательно отказывается фиксировать повествование в рамках одной из них. Исходная сюжетная предпосылка позволяет прозаику, казалось бы, обратиться к широкому спектру художественных моделей – от иронического искусствоведческого детектива до исторического повествования, от мифологизированной прозы, ассоциируемой с традицией Нила Геймана («Американские боги»), до утрированно-конспирологической притчи, напоминающей об эстетике М. Елизарова («Библиотекарь»). А. Роганов (2021) в рецензии на роман также подчеркивает эту жанровую изменчивость, указывая, что текст «начинается как детектив, продолжается как городское фэнтези с элементами авантюрно-криминального романа, превращается под конец чуть ли не в семейную драму». А. Рубанов пунктирно намечает направления, по которым мог бы развернуться сюжет, однако принципиально не стремится выбрать одно из них, создавая эффект намеренной жанровой неопределенности. Стартовые криминальные мотивы обозначены лишь для того, чтобы вскоре уступить место тому пласту повествования, который и представляет для А. Рубанова подлинный интерес.

Разрушая внешние жанровые конструкции и переводя повествование в плоскость психологической и экзистенциальной прозы, писатель одновременно проявляет одну из наиболее характерных для его прозы особенностей – исключительную внимательность к ремесленному началу, к процессу материального творения, который становится для него своеобразным аналогом художественного акта. Именно в этом контексте «Человек из красного дерева» демонстрирует авторскую принадлежность к той своеобразной школе «мастеров», для которых любая деятельность – от работы на «дороге» и ведения бизнеса до плотничества и изготовления кожаных доспехов – обладает онтологическим значением.

И если в других направлениях современной литературы ремесло чаще всего выполняет функцию декорации или сюжетного аксессуара, то у Рубанова оно превращается в ключевой художественный принцип: процесс создания вещи важен не меньше, чем сама вещь, а иногда и существенно ее превосходит. Подобное отношение восходит к особой традиции в русской прозе, где Мастер тождествен поэту и творцу: происхождение предмета оказывается слито с происхождением смысла (Колобродов, 2021). Предметный мир романа – от деревянных идолов до условно «бессмысленных» артефактов, подобных деревянному плееру, – вся его ремесленная оптика «играет роль отнюдь не побочной детали, но структурной вертикали: на неё нанизывается происходящее, через нее раскрывается метаморфоза персонажей, их двойственная природа – человеческая и искусственно созданная» (Шорина, 2026, с. 127). Именно это позволяет писателю уравнивать мастерство и творчество, которые высвечивают драму возрождения личности в мире: «...это наша вторая жизнь, человеческая, – а до нее была первая, божеская. <...> Божий промысел – в том, чтоб однажды все мы, деревянные истуканы, умерли для прошлой жизни и возродились для новой, человеческой. <...> Просьбы, чаяния, слезы, вера и любовь – все вошло в нас и осталось навсегда, и благодаря вере и любви, и молитвенному труду, мы поднялись, стали живыми» (Рубанов, 2021, с. 143).

Продолжая линию размышлений о ремесле как фундаментальном принципе художественного мира А. Рубанова, вполне логично перейти к осмыслению самой природы его персонажей: тема одушевленных деревянных существ располагает к включению в широкий культурный контекст, в котором мотив «деревянного человека» уже давно освоен русской литературой и мифопоэтикой. В этом отношении параллель с миром «Пиноккио» К. Колоди, «Золотым ключиком, или Приключениями Буратино» А. Н. Толстого, на наш взгляд, выглядит не просто уместной, но и методологически продуктивной. Во-первых, как и К. Колоди, «вручает читателю сказку, которая вовсе и не сказка, и даже не басня, и повесть, которая вовсе и не повесть» (Агамбен, 2024, с. 31), так и российский писатель – вольно или невольно – мастерски создает синтетическую жанровую структуру, где органично переплетаются миф, притчевое и романное начала. Во-вторых, как когда-то образ Буратино позволял исследовать переход от вещи к личности, от ремесленного продукта к субъекту действия, так и в романе А. Рубанова деревянные фигуры демонстрируют сложный спектр трансформаций и психологических наслоений. О. Демидов (2021) расширяет этот контекст, указывая, что деревянный народ у Рубанова берет начало не только в «Пиноккио» и «Буратино», но и в образах рукотворных существ – от голема до Франкенштейна; при этом принципиально отличает рубановских героев «искра Божья и потому их определенная самодостаточность». Персонажи, восходящие к кукольной традиции, получают иное наполнение: фигура условного Карабаса-Барабаса оказывается переосмысленной в образе Николы Можайского, который постепенно устраняется от криминальных практик; второстепенный в сказочном мире А. Толстого Арлекин становится главным героем Антипом Ильиным, амбивалентно сочетающем подлинную созидательную

силу мастерства и разрушительную способность к воровству; романтически-плаксивый Пьеро оказывается вполне соотносимым с книжником и молитвенником Читарем; Мальвина синтезирует свойства языческой Мокоши и девочки Дуняши; наконец, фигура жиголо и блогера Щепы заостренно-шаржированно воплощает ключевые свойства Буратино. Современный прозаик встраивает «древний мотив в ткань современной культуры, показывая, что деревянный человек в XXI веке – не только мифологема, но и отражение нового типа личности, гибридной, цифровой, подвижной» (Шорина, 2026, с. 128). В этой логике особенно важен финальный перенос ответственности на женские фигуры: А. Колобродов (2021) также отмечает, что Антип и Читарь гибнут, «оставляя свой мир на Мальвину в двух ипостасях – языческой богини Мокошь и девочки-подростка Евдокии». Тем самым роман фиксирует не только распад прежней «мужской», мастерской, героической модели, но и переход к иной системе сохранения мира, связанной с женским, языческим и адаптивным началом. При этом сам писатель открыто заявляет, что все тайное связано именно с женщиной, через диалог Читаря и Дуняши:

«– Не понимаю, – говорила Дуняшка, – почему Святой дух на иврите – женского рода, и на греческом – женского рода, но на русском – мужского? Что за дискриминация? Если по смыслу – это любовь отца к сыну? Женского рода?»

– Так уж вышло, – дипломатично отвечал Читарь. – В России – как в церкви: есть два знания, одно явное, другое тайное. Россия управляет женским началом, но это знание есть тайное. Чтоб его скрыть, Святой Дух поименован по-мужски, хотя на самом деле он есть женская стихия. Женщина умнее и хитрее. Мужчина свою власть декларирует – а женщина реализует тайно, негласно, и поскольку тайная власть крепче явной, то и женская власть крепче мужской» (Рубанов, 2021, с. 454).

Обращение писателя к ремесленной, предметной и мифологической ткани повествования органично подводит к более широкому культурно-философскому пласту романа – к попытке синтеза, или, точнее, к столкновению двух систем мировоззрения: языческой и христианской. Эта тема заявлена уже в аннотации произведения, однако при художественной реализации она приобретает значительно более сложный, внутренне противоречивый характер. Появление языческой богини Мокоши в одном семантическом поле с христианскими символами неизбежно выводит повествование за пределы монотеистической парадигмы, поскольку сама возможность оживления идола предполагает признание его одухотворенности – тем самым постулируется политеистическая модель духовного мира, где множество сакральных сил сосуществует параллельно и не исключает друг друга. Именно поэтому Мокошь, укорененная в дохристианском мифе, свободно взаимодействует с персонажами, демонстрируя внутреннюю цельность, которой лишены ее «монотеистические оппоненты». В этом проявляется характерная черта пост-постмодернистской культуры, склонной к возрождению политеистической системы ценностей, где религиозное многообразие воспринимается как естественное состояние мира.

Итак, художественная специфика «Человека из красного дерева» формируется на пересечении нескольких значимых для рубановской поэтики линий: внимание к ремесленной природе предметного мира, умение включать архаические сюжеты в современную культурную оптику и тенденция к размытию привычных жанровых решений.

Заключение

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Роман последовательно снижает значимость внешнего действия, переводя читательский интерес к внутренним процессам – к тому, как формируется идентичность персонажа, оказавшегося в мире, где прежние духовные ориентиры утратили устойчивость.

Особую роль в «Человеке из красного дерева» играет синтез языческих и христианских культурных кодов, превращающий повествование в своего рода притчу о множественности ценностных систем. Это не попытка механически совместить две религиозные традиции, но сугубо авторский способ художественного осмысления современного духовного кризиса, в котором монотеистическое сознание вынуждено сосуществовать с политеистическим, фрагментированным пространством постмодерна. Рубанов выпукло и объемно рисует мир, где сакральное лишено единства, оно расслоено, и в этом многоголосии деревянный герой ищет – и не всегда находит – свое место. Фантастическое начало «Человека из красного дерева» не «уводит» текст от реальности, но, напротив, помогает обнажить её глубинные противоречия. Через условную ситуацию оживших деревянных истуканов автор говорит о современном человеке, утратившем устойчивые духовные ориентиры и вынужденном заново определять собственное место в мире.

Перспективой исследования может стать анализ жанрового своеобразия «Ледяной тетради» А. Рубанова, которая продолжает тему Раскола, начатую в «Человеке из красного дерева», но уже в прозе non-fiction: обращаясь к фигуре пророка Аввакума, прозаик переходит от мифопоэтического моделирования религиозного разлома к историко-публицистическому осмыслению русской духовной истории.

Материалы исследования | Research materials

1. Демидов О. Загадки неумы: Олег Демидов рассказывает о новом романе Андрея Рубанова // Ваши новости. 2021. 16 мая. <https://vnnews.ru/zagadki-nevmy-oleg-demidov-rasskazyv/>
2. Рубанов А. В. Человек из красного дерева: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021.

Источники | References

1. Агамбен Дж. Пиноккио. Философский анализ / пер. с итал. М. А. Козловой. М.: АСТ, 2024.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
3. Колобродов А. «Прямохождение» Мастера. О романе Андрея Рубанова «Человек из красного дерева» («Здравые смыслы» Алексея Колобродова) // Литературный портал «Печорин.нет». 2021. 12 февраля. <https://pechorin.net/articles/view/priamokhozhdienie-mastiera-o-romanie-andrieia-rubanova-chieloviek-iz-kras-nogho-dierieva-zdravyie-smysly-alieksieia-kolobrodova>
4. Курочкина А. А. Жанровая природа романа Андрея Рубанова «Финист – ясный сокол» и горизонт читательских ожиданий // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2.
5. Левитская Н. А. Роман А. Рубанова «Финист – ясный Сокол» – классическое фэнтези // Теоретические и методологические проблемы обучения современному русскому языку: материалы межрегиональной конференции (г. Мытищи, 30 сентября 2021 г.). М.: МГОУ, 2021.
6. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург: Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник», 2010.
7. Мешкова О. В. Арт-фольклоризм романа А. Рубанова «Финист – ясный сокол» // Филология и культура. 2022. № 3 (69).
8. Осьмухина О. Ю., Шорина Т. О. Антиутопическая традиция в дилогии А. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. Вып. 4. <https://doi.org/10.30853/phil20260175>
9. Роганов А. Второе пришествие язычества // Горький Медиа. 2021. 16 февраля. <https://gorky.media/reviews/vtoroe-prishestvie-yazychestva/>
10. Тульчинский Г. Л. Массовая литература в современном обществе: эволюция жанров – к персоналогическому фэнтези // Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России: сборник научных статей / сост. И. Л. Савкина, М. А. Черняк. СПб.: Петербургский ин-т печати, 2009.
11. Ширина Е. А., Солдатова К. Э. Освоение фольклорной традиции в романе А. Рубанова «Финист – ясный сокол» // Национальный стиль русской литературной классики: материалы VI межвузовской с международным участием научно-практической конференции (г. Москва, 2 апреля 2020 г.) / отв. ред. С. А. Васильев; ред.-сост.: Г. И. Романова, И. Н. Райкова. М.: МГПУ, 2021.
12. Шорина Т. О. Художественное своеобразие романа А. Рубанова «Человек из красного дерева» // Актуальные проблемы филологии и журналистики: сб. статей / отв. ред. И. Н. Рябов. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2026.

Информация об авторах | Author information

Осьмухина Ольга Юрьевна¹, д. филол. н., проф.

Шорина Татьяна Олеговна²

^{1, 2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Olga Yurievna Osmukhina¹, Dr

Tatyana Olegovna Shorina²

^{1, 2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ osmukhina@inbox.ru, ² tanyashorina1993@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.05.2026; опубликовано online (published online): 25.06.2026.

Ключевые слова (keywords): Андрей Рубанов; современная русская проза; синтез жанровых форм в прозе А. Рубанова; тема Раскола в романе; тема одушевленных деревянных существ в романе А. Рубанова; Andrey Rubanov; contemporary Russian prose; synthesis of genre forms in A. Rubanov's prose; theme of Raskol in the novel; theme of anthropomorphic wood in A. Rubanov's novel.